

ЧТО РУССКОГО В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ?

Вопрос покажется сложным уже при поверхностном взгляде на предмет разговора. Прежде всего потому, что требует нескольких предварительных суждений, которые в глазах многих сделают его бессмысленным.

Первое. Русского либерализма никогда не существовало, поскольку особенности русской жизни никак не оправдывают его бытия. Якобы существовавший (и существующий?) русский либерализм - имитация западного (подлинного) либерализма во враждебном ему таежно-лесостепном окружении, где экстремальное выживание изначально являлось социальной нормой. ...Какой же либерализм может быть в колхозе?

Второе. Русский либерализм не только не имеет общественной основы, но и исторически беспочвенен, поскольку неизбежно должен был противостоять основному двигателю русской жизни последних семи столетий - государству. Противостояние государству - с точки зрения государства - предательство, разинщина, ересь. При этом, противостоять государству на Руси возможно, лишь обвинив его в отступничестве от прежнего истинного пути и подняв знамя реванша, консервативное знамя. Таковы князь Курбский, Гришка Отрепьев, боярыня Морозова и Емельян Пугачев. Пафос русской оппозиционности: «Царь-то, говорят, не настоящий!»

Третье. В силу своей принципиальной беспочвенности русский «либерализм» существовал лишь в двух видах: либо как корыстное жонглирование словесными формулировками с целью «ловли рыбки в мутной воде», либо как секуляризованный моральный протест в эпоху ослабления духа и разрушения «устоев». В целом, как говорится в одной пьесе: «Так все кончается - банальностью». Один из главных героев этой драмы - имя ему Гильденстерн - произносит перед собственным повешением слова, которые могли бы стать эпитафией русского «либерализма» рубежа тысячелетий: «Должно быть, был момент, тогда, в самом начале, когда мы могли сказать - нет. Но мы как-то его упустили». Однако, поправит читатель, ведь в нарушение всяких литературных канонов наши Розенкранц и Гильденстерн... живы.

Что такое и с чего начинается классический европейский либерализм? С оппозиционности. Общество формулирует собственные права и отстаивает их.

Либерализм изначально связан с идеями свободы, равенства и обеспечивающей их законности. «Свобода, равенство...» - остальное («...братство», «...собственность» etc.) второстепенно. Безусловно, либерализм как идея и учение вырастает на органике эпохи Просвещения. Однако само Просвещение, как и его предтечи (напр., Джон Локк) концентрируют внимание на отдельном человеке и духовных основах его существования. Потребовались социальные катаклизмы, которые коренным образом изменили подобную парадигму. Религиозные и философские акценты сменяются на политические, идеал совершенного человека - на идеал свободного гражданина (совершенствование становится сугубо личной проблемой, нечто сродни аппендиксу). Остается главный принцип - принцип индивидуализма.

Либеральные формулы, отлитые в огне Великой Французской революции, были гарантированы Первой империей и реставрированной королевской властью. Изначально либерализм - политическая доктрина и формула «общественного договора». Философия и мировоззрение либерализма вторичны и появляются скорее в ходе реализации доктрины, ее перевоплощения в политическую и экономическую практику. Сопутствующие политическому либерализму антиклерикализм, агностицизм, позитивизм, наконец, бытовая раскрепощенность и многое другое формируются в ходе побед, одерживаемых на политическом фронте. Победивший либерализм (а неизбежная конечная цель через несколько поколений - демократия), воспринимает идеи социализма и к середине XX в. окончательно обретает очертания современного «социального либерализма» (неолиберализма).

А что же в России? Екатерина II, а также ее просвещенные оппоненты из дворянской среды, конечно, не исповедовали либеральных идей и вовсе не стремились к упразднению сословного строя. Исправление и усовершенствование нравов, по их мнению, должны были предшествовать любым преобразованиям. «Вольности» - лишь условие улучшения нравов и укрепления социального порядка. И поэтому и Екатерина, и Н.И. Новиков, и Н.И. Панин, и даже А.Н. Радищев - консерваторы, хотя и просвещенные. В России идеология Просвещения, связанная, прежде всего, с государством, просуществовала несколько дольше, чем в Европе - вплоть до событий 1815-25 гг. Император Александр I принадлежал не либерализму, а идеям Просвещения, для реализации которых в масштабах страны им, как известно, было создано целое министерство - Министерство народного просвещения. Просвещенным консерватором являлся М.М. Сперанский, размышлявший над совершенствованием нравов путем государственного

реформирования, но он вовсе не скрывал своих взглядов на человеческую природу: «Мир во зле лежит; человек есть великий грешник на земле»¹. Даже проекты военных поселений и официальный мистицизм последних лет александровского царствования неразрывно связаны с попытками реализации тех идей, которые были унаследованы от екатериненской эпохи. Первой попыткой воплощения именно либеральных идей (равенство перед законом, гражданские и политические права) на территории Российской империи была Польская конституция 1815 г., но она вводилась там, где эти идеи уже реализовывались под эгидой Наполеона. Те же принципы, воплощенные в проекте Государственной уставной грамоты Российской империи, силы не получили. Политическая реальность не предоставляла такой возможности.

Появление либеральных принципов в общественном сознании стало возможно лишь с возникновением в 20-30-е гг. XIX в. значительной группы лиц («образованного общества»), ставшей носителем самостоятельного общественного мнения. Однако эти принципы не были доминирующими. Программа декабризма основывалась на принципах Великой революции, но не была собственно либеральной. Конституция Н. Муравьева ближе к Конституции 1791 г., чем к идеям Б. Констана. В Русской правде П. Пестеля воплотился русский вариант якобинства. В декабристском движении зародилась столетняя история русского освободительного движения, в котором социалистическая и анархическая составляющие всегда будут превалировать над либеральной. Огромная разница в образовательном уровне российского общества, причем, даже его элиты приводила к обособленности этого направления и усиливала его радикализм.

Общественное движение, возникшее в России в этот период, изначально развивалось в двух различных направлениях - «освободительном» и «охранительном». П.Я. Чаадаев четко противопоставлял себя освободительному движению и порицал декабризм: «Великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого славного путешествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и губительные заблуждения, последствием которых

¹ Сперанский М.М. Философские размышления о праве и государстве // его же, Руководство к познанию законов. Спб., 2002. С.206.

было неизмеримое бедствие, отбросившие нас назад на полвека»². Чаадаев - политический диссидент, но не может быть назван собственно либералом, философская доктрина его включает идею прогресса, но в целом консервативна. Чаадаев прежде всего выступал за развитие образования и религиозное просвещение народа; отмена крепостного права, по его мнению, была необходима «в особенности» в интересах «прогресса морального». Обратим внимание на принципиально важное пояснение, сделанное Петром Яковлевичем по поводу характера того образования, которое он считал важным привнести в Россию: «образование, позаимствованное не из внешних сторон той цивилизации, которую мы находим в настоящее время в Европе, а скорее от той, которая ей предшествовала и которая произвела все, что есть истинно хорошего в теперешней цивилизации»³.

«Либерал» Т.Н. Грановский и «либерал» А.С. Хомяков резко не принимали принципы европейских революций. Хомякову был близок английский торизм и он сокрушался о его постоянной «либерализации»: «Торизм, изначально запечатленный излишней личностью (это заметно в аристократизме), носит в себе постоянно характер Вигизма и всеразрушающей личности. ... Торизм английский, не верный самому себе, живет только чувством: за Вигизмом стоит рассудок и его логическая последовательность. Будущее принадлежит ему»⁴. Наиболее глубокий из ранних славянофилов И.С. Киреевский постепенно переходит на определенно консервативные позиции и выступает за сохранение крепостного права. Вместе с тем, именно в 40-е гг. XIX в. принципы либеральных свобод становятся первоочередными по сравнению с принципами просвещения. И славянофильство, и умеренное западничество становятся первыми либерально-консервативными движениями в России. Окончательное размежевание либерального консерватизма и освободительного движения произошло именно в этот период и разграничительная черта прошла по западническому движению (разрыв Герцена с Грановским, 1846 г.).

Либерализм изначально был усвоен русским общественным движением в форме либерального консерватизма («охранительного либерализма»). Политическая

² Чаадаев П.Я. Первое философическое письмо // его же, Полн. собр. соч. и избр. письма. Т.1. С.330.

³ Чаадаев П.Я. Записка графу Бенкендорфу // Там же, с.226-228.

⁴ Хомяков А.С. Письмо из Англии (1848) // его же, Полн. собр. соч. Т.1. Спб.,1861. С.138-139.

программа этого направления в основе своей никогда не была самодостаточной и являлась развитием консервативного мировоззрения, его приспособлением к изменяющимся историческим обстоятельствам. Прогресс и свободы выступали относительными ценностями и средствами сохранения государственных и общественных «основ». По своей политической природе он родственен «чистому» консерватизму и из его среды черпал свои идейные и жизненные силы. Западник Б.Н. Чичерин вспоминал о своем юношеском неприятии радикального славянофильства как раз в силу его разрыва с русской исторической традицией, с более консервативных позиций: «Вся проповедь славянофилов представлялась мне чем-то странным и несообразным... Я пламенно любил отечество и был верным сыном православной церкви; с этой стороны, казалось бы, это учение могло бы меня подкупить. Но меня хотели уверить, что весь верхний слой русского общества, подчинившийся влиянию петровских преобразований, презирает все русское и слепо поклоняется всему иностранному, что, может быть, и встречалось в некоторых петербургских гостиных, но чего я, живя внутри России, отроду не видал. ... Мне внушали ненависть ко всему тому, чем я гордился в русской истории, к гению Петра, к славному царствованию Екатерины, к великим подвигам Александра»⁵.

«Освободительный» либерализм был принципиально чужд «охранительному» либералу. «Либеральная доктрина, покончив с корпорациями во имя их привилегий и с обширной деятельностью власти во имя ее старинных злоупотреблений, обратила все свое внимание на вопрос об *организации* общества на началах личной свободы. Но она оставила без рассмотрения вопрос о том, как будет *действовать* человек в новой организации, и должно ли «общество» быть не только «собранием неделимых», но и действительной организацией, способною также к действию на общую пользу, - этот вопрос остался открытым [подчеркнуто авт. - Ф.Г.]», - писал склонявшийся ко второму А.Д. Градовский. Однако он был уверен, что радикальный либерализм избирал как раз первое (т.е. что «само общество является простым механическим собранием неделимых, не имеющих между собой внутренней связи»), и настаивал на том, что крайним выражением радикального либерализма (т.е. «индивидуализма») становится «коммунизм»⁶. «Освободительный» либерализм

⁵ Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. М., 1929. С.20.

⁶ Градовский А.Д. Общество и государство (теоретические очерки) // его же, Сочинения. Спб., 2001. С.41, 46, 47.

порождает революцию. «Нигилизм был последним словом *западничества* как болезни, последним выражением идеи эмиграции в область всеевропейского»⁷.

Либеральный консерватор настаивал на творческом развитии «органических начал», что требовало высвобождения отдельной личности, создания условий для ее самостоятельного существования и деятельности. Развитие «нравственной личности» - первоочередная задача либерального консерватизма. «Для человека с волею, разумом и сердцем всегда будет дорого слово старого философа - *perfecte te!* (совершенствуй себя)»⁸. В силу этой отличительной особенности либеральный консерватизм никогда не являлся ни доктриной, ни программой и не мог быть платформой широкого политического движения. Аристократический характер направления был его отличительной особенностью: и представители либерального консерватизма, и те, к кому они апеллировали, принадлежали к дворянской элите общества. Купец для либерального консерватора в массе своей слишком демократичен и мог восприниматься лишь как будущая аудитория. Отдельные представители этого класса из прагматических соображений в расчет не принимались. «В России ... этот элемент составляет, можно сказать каплю в море. У нас сколько-нибудь зажиточное и образованное купечество можно найти только в столицах и немногих больших городах. Все остальное громадное пространство земли состоит исключительно под влиянием землевладения. Поэтому в России класс независимых, обеспеченных и образованных землевладельцев составляет первую и самую насущную потребность. Этой потребности удовлетворяло русское дворянство настолько, насколько это было важно при существующем материальном и умственном уровне русского общества. Поэтому и разорение этого дворянства нельзя не считать бедствием для страны», - с прискорбием напишет Чичерин уже в 1903 г., в разгар этого разорения и при нарастающих крестьянских бунтах на Левобережной Украине, в районах развитого и доходного помещичьего хозяйства⁹.

Публицистика - основное средство политической борьбы либерального консерватора. Однако, существуя в форме личного мировоззрения, либеральный консерватизм выражался по преимуществу в принципах поведения, а не в декларативных принципах. «Никакая отвлеченная система не может служить

⁷ Градовский А.Д. Реформы и народность // Там же, с.449.

⁸ Градовский А.Д. Надежды и разочарования // Там же, с.412.

⁹ Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М.,1903. С.17-18.

основанием для охранительной системы по той простой причине, что устройство и потребности обществ разнообразны до бесконечности и изменяются исторически. ... Охранительные начала в каждом обществе почерпываются не из теории, а из действительности; они даются историческим развитием народа и настоящим его состоянием», - писал Б.Н. Чичерин¹⁰. Либеральный консерватизм становился живым направлением, лишь когда практика деятельности превалировала над словесными формулировками. Несколько сытых джентльменов посреди голодной губернии - таковым становился либеральный консерватизм без его повседневной практики. Однако сама эта практика по своей форме была консервативна.

Либеральный консерватор в России не мог быть совершенно далек от государственной власти, иначе он терял свою общественную значимость. «Отличительная особенность русской истории в сравнении с историей других европейских народов состоит в преобладании начала власти», - отмечал Б.Н. Чичерин¹¹. Правительство рассматривалось как основная творческая сила, и либеральный консерватор состоял на службе - был чиновником, профессором («чиновник по ведомству Министерства народного просвещения»), околоправительственным публицистом или составлял немногочисленную аристократическую «оппозицию Его Величества». Именно следование государственному долгу укореняло либерального консерватора в русской среде. Либеральный консерватизм подчеркнуто патриотичен и лоялен. Его трагедия - трагедия смирения, неспособности переубедить правительственные верхи и общественную элиту и доказать необходимость следовать сформулированным им путем исторического развития.

Император Александр II - либеральный консерватор на троне. Великие реформы 60 - 70-х гг. XIX в. проводились под знаменем либерального консерватизма и имели целью упрочить существующий государственный порядок путем широкого социально-экономического реформирования и развития политического строя. А.Д. Градовский писал: «Эти преобразования *возвратили отечество* многим людям, до тех пор уходившим в себя и стоявшим в стороне; они принесли первые средства для

¹⁰ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов // его же, Философия права.

Спб., 1998. С.444.

¹¹ Там же, с.452.

врачевания той тяжелой болезни, последним симптомом которой был нигилизм»¹². Земское самоуправление - либерально-консервативная идея. «Едва ли нужно останавливаться много на той очевидной для нас истине, что *развитие земского начала в нашем управлении будет наилучшим средством образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются все попытки насильственных переделок нашей родины по каким бы то ни было «шаблонам», и особенно по шаблону социальной демократии. Развивать и укреплять земское начало - значит национализировать нашу интеллигенцию»*¹³.

Революционная эпоха не способствовала развитию либерального консерватизма, к началу XX в. он фактически исчерпал свои идейные ресурсы. Если политическую практику либерального консерватизма пытался реализовать П.А. Столыпин, то ярких (в сравнении со второй половиной XIX в.) представителей этого направления в философии или публицистике в этот период мы не найдем.

«Освободительный» либерализм первоначально формировался в России в конце 60 - 70-е гг. как свидетельство разочарования в реформаторских усилиях самодержавия и уверенности в бесплодности либерального консерватизма. Усилия либералов-«освободителей» (прежде всего, И.И. Петрункевича) изначально были направлены на превращение земства в орудие борьбы с правительством; идея, актуализированная и успешно реализованная накануне Первой русской революции. Широкое либеральное «освободительное» движение возникло лишь в первые годы XX в., сразу в двух версиях - умеренно-либеральном и радикально-либеральном. Оба течения выступали за изменение политического строя Российской империи и упразднение самодержавия. Наиболее четко первое направление проявлялось в октябризме, второе - в кадетизме.

Особенности «освободительного» либерализма сложились под влиянием внешней среды - «русской почвы», которая в целом была гораздо консервативнее. Напуганные русским бунтом помещики попытались создать первую в России «партию власти» - «Союз 17 октября», которая по закону жанра проиграла вторые в своей истории парламентские выборы (1912). Основная причина - неспособность октябристов привить либеральные взгляды стихийно-консервативной помещичьей среде. Либеральная партия могла прочно опираться лишь на маргиналов (однако

¹² Градовский А.Д. Надежды и разочарования // Ук. соч., с.450.

¹³ Там же, с.457.

достаточно обеспеченных для того, чтобы не стать адептами социализма). Таковыми оказались некоторые круги интеллигенции (профессора, адвокаты), увлеченные политикой земцы и, после 1905 г., наиболее радикальная часть российской буржуазии. Их маргинальность определялась как кризисом сословного строя, так и отсутствием доступа к государственному управлению. Показательно, что наиболее радикальными либералами среди помещиков, адептами кадетской партии, были те, кто не смог приспособиться к новым экономическим обстоятельствам и вел свое хозяйство рутинными, вовсе не новаторскими способами. Экономическая программа радикальных либералов не получила своей конкретизации в силу ее противоречия основным условиям российской экономики. Однако эта программа вовсе не призвана была сформулировать ряд конкретных мероприятий по тому или иному вопросу экономической жизни; перед ней изначально ставились иные - декларативные, пропагандистские - задачи.

Социальная база наиболее радикальной из либеральных партий - кадетской партии вообще определялась не сословной принадлежностью, а скорее интеллектуальным складом: основной опорой к.-д. являлась традиционно оппозиционно настроенная демократическая интеллигенция радикально-либерального толка; отличительной чертой ее политического поведения был протест в отношении официальной политической культуры и непонимание народной. При этом кадеты как партия рассматривали себя не только и не столько как выразителей интересов своих избирателей, а прежде всего как авангардную силу русского конституционализма. Избирательские массы соответственно выступали лишь как опора и резерв партии в ее политической борьбе.

Кадеты как представители освободительной идеологии были обречены в России на маргинальность. Почему же победу в революции и гражданской войне в конечном счете одержали большевики - левый фланг все того же освободительного движения? Социалистические идеи смогли в начале XX в. завоевать большую популярность в широкой народной среде именно в силу их кажущейся близости к консервативной программе крестьянского утопизма. Черный передел 1917 г. был крестьянской «консервативной революцией», которой воспользовались левые радикалы. Однако и сами они, в свою очередь, оказались под влиянием народного мировоззрения. Большевизм, попавший в народную среду, черпавший из нее свои кадровые ресурсы, потерял всякие черты прогрессизма и к 30-ым гг. XX в. постепенно превратился в жестко консервативную (реакционную) идеологию.

Либералы в силу своей рафинированности на такую трансформацию были неспособны.

Не имея социальной опоры или опираясь на маргинальные слои, русский либерализм не имел политической практики и мог быть лишь направлением движения, устремлением мысли. «Освободительный» либерализм - прежде всего, доктрина. Ради «чистоты принципов» радикальный либерал отказывался от политической практики и терял обучаемость. Роль оракула, за редким исключением, всегда была предпочтительнее для либерала, нежели роль труженика. Его политическая программа гораздо чаще порождала декларативные заявления, чем конкретные законопроекты. Именно в силу этой особенности «освободительный» либерализм уже при своем зарождении приобрел черты непримиримой оппозиционности, лежавшей в основе политической практики даже такой «умеренной» партии, как «Союз 17 октября». П.Б. Струве, сформулировавший по результатам Первой русской революции задачу, в соответствии с которой «государство и нация должны были органически срастись», так и остался в либеральном окружении доктринером-одиночкой. Подобная позиция радикальных либералов в отношении власти и политического строя в мировоззренческом плане сближала это направление с социалистами. Миф об освобождении «всех и каждого» порождал деструктивность политического поведения. Кроме того, принципиальный декларативный демократизм (анти-аристократизм) радикального либерализма нивелировал либеральное представление о необходимости личных свобод в пользу свобод общих, освобождения «всех» от полицейской опеки государства.

Программные разработки радикального либерализма (особенно ярко это проявилось у кадетов) обычно касались отдаленной политической перспективы и гораздо меньше соотносились с реалиями современной им эпохи, насущными интересами большинства российского общества. Эта особенность порождала такую специфическую черту русского радикального либерализма, как несоотнесенность принципов и практического поведения либерала. Именно на это указывали «Вехи», настаивавшие на необходимости практического привнесения либеральных принципов (правопорядка, социальной активности) в русскую жизнь. Однако авторы сборника посоветовали своим сотоварищам по либеральному лагерю расписаться в собственной беспомощности - и вместо «борьбы идей» получился скандал. «Творцы нового шума» действовали по меньшей мере невежливо: не отрицая радикально-либерального «кодекса чести», они упрекали его адептов в том поведении, которое

прямо вытекало из него в российских условиях. Ответ «Вехам» оказался совершенно логичным и адекватным: возмущившаяся радикально-либеральная интеллигенция не могла не отстаивать изначально избранного пути, даже если он вел в тупик, ведь уход с него означал ее политическую смерть. В сборнике «Интеллигенция в России» Милюков, напоминая «веховцам» о «законах жизни», обратится к оппортунистам с увещеванием: «...Опомнитесь. Вспомните о долге и дисциплине, вспомните, что вы - только звено в цепи поколений... Не вами начинается это дело и не вами оно кончится. Вернитесь же в ряды и встаньте на ваше место»¹⁴.

Только государство, по мнению радикального либерализма, могло выступить эффективным инструментом в реформировании России, создании гражданского общества и правового строя. Поэтому основной своей задачей радикальные либералы видели борьбу за государственную власть и овладение ею. Государственная дума рассматривалась как основной центр либеральной оппозиционности, причем не только в качестве представительства, но и как орудие политической борьбы и пропаганды в общественной среде. Уважение к легитимной власти и законному порядку у них могло быть только доктринальным. Кадеты в целом «объективистски» относились к революции, как к неизбежной составляющей социального развития. По результатам 1905 г. П.Н. Милюков писал: «Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. Но мы не обоготворяем революцию, не делаем из нее фетиша, а также хорошо помним, что революция есть только метод, способ борьбы, а не цель сама по себе. Этот метод хорош, если и пока он достигает цели: напротив, он плох, если вредит тому делу, которому хочет служить». Милюков считал вопрос о революции тактическим: «Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция - революция во что бы то ни стало - служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства»¹⁵. Оставаясь в основном в рамках законности, кадеты всегда использовали революционную угрозу как

¹⁴ Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей. 1909-1910. М., 1991. С.380-381.

¹⁵ Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. Спб., 1907. С.165, 168.

собственный инструмент давления на власть. Наличие «революционной угрозы» в стране было основным условием их политической активности, и партийная деятельность приносила необходимый результат лишь в условиях нарастающего общественного недовольства (1905-1906, 1915-1917).

В силу своей политической природы кадетизм не смог завоевать прочных позиций среди широких общественных слоев: он был неспособен «организовать общество», но, вместе с тем, не был готов и к политическому компромиссу и деятельности в коалиции с другими политическими силами, хотя и близкими, но не разделявшими его партийной программы. Однако радикальные либералы вовсе не являлись силой, «вырванной» из западноевропейского «контекста» и «заброшенной» в русскую действительность; на наш взгляд, мысль М. Карповича об укорененности в России радикального либерализма кадетского образца совершенно оправдана¹⁶. Эта укорененность выражается не в радикально-либеральной доктрине, а в готовности русского маргинала выступать под утопическими лозунгами в расчете на свою способность возглавить страну. Утопизм рассматривался как преддверие политической гениальности, маргинальность - как возможность возвыситься над частными интересами.

Радикально-либеральная политика в России в силу ее ярко выраженной декларативности и идеализма (конкретные частные интересы могут быть вполне прагматичны, но речь не о них) неизбежно сопровождалась революционными эксцессами и затяжным социально-экономическим кризисом (события 1917 г. и 90-х гг. XX в.). Однако у предыдущей русской политической традиции пришедшие к власти радикальные либералы наследуют представление о роли государства в социальном реформировании. После победы Февральской революции в основание нового строя были положены принципы «надклассовости» и «надпартийности», т.е. своеобразно понятые идеи государственного патернализма по отношению ко всем слоям и группам населения и, в свою очередь, независимости государства от них. Стремление сохранить «единение» народа, достигнутое в момент революции, и «доверие» народа к «своему» революционному Временному правительству приводили к политике социального компромисса с ярко выраженными демагогическими чертами. Временное правительство фактически отказалось не

¹⁶ Карпович М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С.403-404.

только от применения силы, но и от государственного строительства. В результате к осени 1917 г. страна забыла про свое правительство... Постсоветское Российское государство также имело и имеет весьма смутные представления о том, на какие группы населения ему следовало опираться прежде всего и кто реально мог бы составить основание для государственного строительства.

Основными чертами русского либерализма наряду с исторической расколотостью выступают его маргинальный характер и вытекающие из этого особенности либерального самосознания: его учительная по отношению к народу роль («просвещение»), особое внимание к чистоте принципов, манифестарность и негибкость, часто доходившая до бескомпромиссности, которая так мешает здоровому прагматизму деятельного творчества. Однако наиболее характерные особенности русского либерализма кроются в области его политической практики, в его неизбежной зависимости от государства.